***Андрей Михайлович Авраменков** родился в 1990 году в Луганске. Окончил Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля по специальности «Издательское дело и редактирование». Работал корреспондентом в различных местных изданиях. Публиковался в луганских газетах, альманахах, молодежном литературном журнале «Индиго», в журнале «Подъём». Автор книги прозы «Город сломанных судеб». Лауреат Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2022). Живет в Воронеже.*

Андрей Авраменков

СМЯТЕНИЕ

Записки о войне и жизни

Посвящается моей жене Елене

Мир — это война
за тихое место рядом с тобой.
Иван Демьян

1

Автобус долго выезжал из города, то и дело застревая в вечерних пробках. Не меньше часа прошло, пока мы выехали на федеральную трассу, ведущую на юг. Я ехал домой — на Донбасс, к родителям и друзьям. Сейчас моя поддержка была им необходима, как никогда. Уже вовсю шла спецоперация. Я набрал полные сумки всякого разного, сейчас в прессе это называют гуманитарным грузом.

Но была и другая причина моего отъезда.

Ехать предстояло всю ночь. Выспаться, конечно, не получится. Под утро я приеду помятый и вымотанный дорогой. Но я пытался хотя бы подремать. Закрывал глаза, слушал размеренный шум дороги, облокачивался головой о переднее кресло. Постепенно переходил в мир снов, пока очередная кочка или резкий поворот снова не возвращали меня в мир реальный. Через время веки тяжелели, и я опять проваливался в полудрему…

Снился синий «опель». Опять этот кошмар. Он повторялся несколько раз в год, в разных вариантах. И так уже почти десять лет. В машине мои товарищи, знакомые, мы куда-то едем... Появляется чувство тревоги, какой-то скрытой угрозы, она заполняет собой пространство...

Открываю глаза. Сон пропал. Я зевнул и уставился в окно. Герой одного из моих любимых фильмов говорил своей женщине о кошмарах: «Плохая привычка лежать с закрытыми глазами. Так и попадаешься». Сколько нужно лет, чтобы они перестали сниться? Или это навсегда?

В автобусе были в основном женщины, дети и пожилые мужчины. Из молодых ехали только я и парень в полевой форме, военный. Без российской прописки на Донбасс ехать было нельзя — назад бы не выпустили, мобилизовали и отправили на фронт, где сейчас шли ожесточенные бои, каких не было со времен Великой Отечественной войны.

Во время одной из остановок военный вышел покурить. Он хромал — правая нога не сгибалась.

— Ранение получил под Мариуполем. Заняли одно село на подступах к городу. По нам откуда-то шарахнули. Меня волной отбросило, я вставать — а ноги не держат, как заболит! Смотрю, все штаны в крови. Осколок застрял. Ну, в госпиталь, потом в Россию на операцию переправили.

Он сделал глубокую затяжку.

— Опять на фронт поеду, хоть и хромаю. Все равно. Может, пригожусь.

— Долго воюешь?

— Такое ощущение, что всю жизнь. Я уже и не помню, как это — не воевать.

Но я ехал не на фронт. Я ехал домой, к родным и близким. Ехал, оставив за спиной любимую женщину. Вернее, двух женщин. Ох, история, такая же старая, как мир.

2

А у меня ведь было предчувствие, что, если поженимся, может произойти что-то нехорошее. Ну, не люблю я перемены, боюсь их и ненавижу. И опасения мои оправдались. За долгие годы появилась другая. И я испытал то чувство, которое приходит ко всем в восемнадцать лет. Вот говорят, сердцу не прикажешь... А я приказывал, управлял и, казалось, подчинил его. Я контролировал его, так мне казалось. Но... появилась она. Она всегда появляется. Рано или поздно. Как испытание или награда.

Однако в конце лета ее еще не было. Только непонятная тревожность из-за перемены семейного положения. Гражданский брак — женаты.

— Ну что, Сережка, когда оформим отношения? — не часто, но настойчиво спрашивала Аня.

— Да как тебе сказать. Я не очень... но если ты... если тебе надо, давай, конечно.

Она вскидывала бровь и высокомерно отвечала:

— Мне ничего не надо. Я самодостаточная женщина. Просто живем, как не пойми кто.

— Не обижайся. Я не против. Но и не за. Короче, если хочешь, давай. Если это сделает тебя немного счастливей.

— Вот именно, что немного, — задирала она подбородок и уходила на кухню.

Да, конечно, Аня права. Во всем права. Я не хотел жениться не из-за того, что считал, мол, какого она мужчинку отхватит завидного. Нет. Все дело в этих переменах, которых я очень боялся. Вот поженимся, а вдруг сразу после этого поссоримся и разлюбим друг друга? Вдруг у нее или у меня появится кто-то... разойтись будет значительно сложней. И не из-за чувств, а из-за документов. Может, все дело в том, что я привык жить одним днем уже много-много лет? А вместе со мной и Аня.

Я приходил на кухню, наводил себе холодный чай, выходил на балкон и, глядя на вечерние волны водохранилища, говорил:

— Ну, давай подадим документы. Я не силен во всем этом. Ты хочешь прям пышную свадьбу?

— Да какая с тебя пышная свадьба... Я устала, что все одноклассницы и подруги повыскакивали замуж, а я вроде как не при делах. Ни кольца тебе, ни мужа. Многие уже во второй раз замуж выходят. А я недоделанная какая-то, выходит?

— Перестань... Ты самая лучшая. Ты же знаешь... Если для тебя это такой дискомфорт, то давай поженимся.

— Ну, после почти десяти лет встречаний давай уж поженимся, — кривлялась Аня.

Я не хотел, чтобы из-за меня она чувствовала себя неполноценной.

Документы были поданы, роспись была назначена на предпоследний день лета. Все прошло быстро и сдержанно. Волнение появилось, когда я надевал кольцо на палец Анютки. А ведь действительно это что-то да значит. Друзей не приглашали... С годами все растерялись, стали чужими, блеклыми копиями себя. В таких случаях обычно говорят: «Он для меня умер». Некоторых действительно не стало...

Поэтому праздновали мы только вдвоем. Пришли в ресторанчик в самом центре города, возле скверика. Аня была торжественно-сдержанной, на ее лице царила полуулыбка. Я бросал на нее взгляды, понимая, что она наконец-то довольна. А что изменится с завтрашнего дня? Да ничего. Все такой же знакомый маршрут, успевший набить оскомину — работа-дом. А между нами? Неужели Аня почувствует себя полновластной моей хозяйкой, будет муштровать меня по поводу и без, а я буду валяться на диване перед телевизором, пить пиво и, вальяжно потягиваясь, игнорировать ее просьбы? Да нет же! Сколько мы уже вместе, притерлись, привыкли друг к другу. Не имеет этот штамп в паспорте никакой силы для нас. Для бюрократов — возможно.

В этот вечер мы не отказывали себе ни в чем. Я взял себе несколько алкогольных коктейлей. Уже много лет я с алкоголем на «вы», но в такой день можно. Даже Аня поддержала меня в этом вопросе и заказала себе какую-то гремучую смесь из водки, рома, сиропов и фруктов. Закусить все это мы решили роллами.

Сидели и вспоминали предыдущие годы, предавались ностальгии, рассказывали друг другу о школьном времени. Когда уже стемнело, мы взялись за руки и вышли на танцпол. И я вдруг понял, что никогда не танцевал с Аней медленный танец. Конечно, я дома обнимал ее за талию, гладил спину и грудь, но это были обычные, будничные прикосновения. В танце они становятся совершенно другими, более многозначительными.

Вечер прошел волшебно. И освещала его счастливая улыбка Ани.

3

А немного позже в моей жизни совершенно неожиданно появилась Мила. Когда я ее увидел впервые, она покорила мое сердце — открытая, веселая, разговорчивая. Мы познакомились благодаря работе — я должен был снять ее для телевидения.

Кто такая Мила? Легче сказать, кем она не является. И поэт, и художник, и менеджер крупной компании, и особа, приближенная к властным кругам, и общественный деятель.

Но в тот тепло-пасмурный октябрьский день я всего этого еще не знал. Не мог я предвидеть и того, кем она станет для меня самого.

Я увидел девушку среднего роста, не маленькую, но и не высокую, с темными волосами, они были перевязаны скромным синим платком. Легкое черное пальто едва прикрывало коленки. Внимания на себя обращали темно-синие глаза, выразительные, большие, взгляд прямой и твердый. Мне всегда было трудно смотреть в них длительное время. Возможно, из-за того, что я часто отводил взгляд, она и подумала, что я смущаюсь. Кажется, хихикнула себе в кулачок.

Работа была сделана, мы поговорили с ней обо всем, о чем нам надо было поговорить. То есть о поэзии, картинах и активной жизненной позиции.

И, не имея никаких скрытых желаний, я простодушно предложил:

— Не хотите выпить чая или кофе?

Мне было скучно, домой возвращаться я не спешил. Аня была на работе, а проводить еще несколько часов за ноутбуком я не хотел. Уж лучше побродить одному по городу. Или в компании.

Она смерила меня своим непоколебимым взглядом, принимая решение.

— Ну, пойдемте.

Начинался дождь, и мы зашли в первую попавшуюся кофейню. Благо, их в центре города хватало.

— А вы домой не спешите? — удивился я.

— Обычно спешу. И домой, и на работу, и по делам. Но сегодня мне захотелось не спешить, — ответила Мила.

— Муж не будет беспокоиться? Или парень?

Она неопределенно махнула рукой, и жест этот можно было трактовать по-разному. В душу с расспросами я решил не лезть. Мила потягивала через трубочку кофе с молоком, я же обжегся слишком горячим чаем с лимоном. Смотрела куда-то в стенку, в сторону, сквозь большое мерцающее огоньками окно на проезжающие машины.

— А вы, Сергей, журналист?

— Ну да, в том числе и журналист.

— А чем еще занимаетесь?

— Да иногда, когда есть время, подрабатываю то там, то сям.

Я ловил ее глаза, когда она не смотрела на меня, наслаждался необычной грозой в них. Как только Мила упиралась взглядом мне в лицо, я начинал смотреть на улицу или мелькающие в телевизоре клипы. Она, видимо, решила, что это игра.

— А вы местная?

— Как сказать, я из деревни. Из области. Тут недалеко, сто пятьдесят километров. А вы?

— Ну, я чуть-чуть подальше родился, в Донбассе.

— А-а-а, — многозначительно протянула она. — У меня тоже есть родственники на Украине.

Наш разговор имел неспешный, расслабленный темп. Оба устали к концу дня. Мы бросались фразами, долго обдумывали их, отвечали не скупо, но и не развернуто. Загадка какая-то появилась между нами. Мне показалось, что ей не особо интересно со мной. Ну, что ж, сколько таких встреч-однодневок было в моей жизни, сколько еще будет. Да и какая разница, что подумает Мила обо мне, разве это важно. Мы ведь никогда больше не увидимся, скорее всего.

Дождик шел так же неторопливо, как и наш разговор. В темных лужах уже отражались фары автомобилей, вода дрожала и расплескивалась из-за резины колес и ботинок.

Домой я шел долго, пешком, не обращая внимания на попутные автобусы, уже полупустые. Хотелось насладиться свежестью, октябрьским ветром и темными низкими тучами.

4

Все-таки время года влияет на настроение. И осенью особенно часто задумываешься над жизнью. Я лежал на диване возле темного окна, в котором виднелись кривые ветки качающегося дерева. Оно как будто просилось в гости, наклонялось, заглядывало к нам в квартиру. Аня уже спала, а у меня душа была не на месте. И не знаю почему... Ради чего я живу? Все дни однообразны, пусты и бессмысленны. И молчаливы. Я поймал себя на мысли, что часто бывают дни, когда я не произнес ни одного слова. Только работал и работал. А вечером за ужином мы с Аней обсуждали прошедший день. Рассказывать мне было нечего, потому что ничего и не происходило. А она обижалась.

В редкие моменты мы предавались ностальгии, смотрели старые фотографии и видео.

— Помнишь, как мы познакомились? — спрашивала Аня.

— Да, конечно. На свадьбе друзей. Ты была дружкой, а я просто гостем.

Свадьба друзей практически стерлась из памяти, как и их лица. А мы остались друг у друга.

— Ты мне тогда не особо понравилась, хотя платье у тебя было красивое.

— Да знаю я, — Аня демонстративно закатила глаза. — Ты мне тоже.

— Удивительно, что мы начали встречаться, — покивал я.

— Да... Помнишь тот наш первый год?

— Конечно. Наверное, самый счастливый. А потом началась война.

— И ты взял меня, и принял решение уехать. Ты же хотел вернуться... Постоянно хочешь вернуться...

— И возвращался. И не раз. И опять уезжал. И окончательно потерялся бы, если бы не ты.

Мы говорили о тех вещах, которые и так хорошо знали. Проговаривали их в очередной раз. Зачем? Чтобы не забыть, кто мы? Из раза в раз одно и то же, как молитва. Но это было нужно и Ане, и мне.

— Я никогда не чувствовала там себя дома.

— А здесь?

— Наверное, да, наш дом теперь здесь.

— Ну, если по документам, то да, — горько улыбнулся я.

Где же мой дом?

Квартира родителей, в которой я прожил двадцать лет, а потом ушел, начал жить с первой девушкой и уже никогда не возвращался в нее окончательно, только как в перевалочный пункт, где можно отдохнуть, а потом снова уйти непонятно к кому.

Дом бабушки в деревне... Как часто он снится и как редко я там бываю. Уже нет бабушки, а дом продан и разрушается. Я был там недавно, но... лучше бы не ездил. Новые хозяева не жили в деревне, поэтому все ценное, что там было, растащили соседи, все постройки наполовину обрушились, а дом стал пустым помещением. Разве в нем я проводил все эти счастливые лета?

А потом... череда съемных квартир. Мы с Аней меняли по три квартиры в год, так уж складывались обстоятельства. И в какой-то момент я понял, что не могу находиться долго в одном месте, меня тянуло переехать. Пусть даже в пределах одного города.

Не привязывайся ни к чему и ни к кому. Это все лишнее. Все испытания ты проходил и будешь проходить один. Это правило. А исключения его только подтверждают.

— Помнишь, как мы чуть не расстались? Ты тогда не работал, очень долго.

— Да, помню. Я не работал, потому что... Ты знаешь, почему.

— Я думала, что ты вообще не хочешь работать, понимаешь?

— Разве я не доказывал обратное десятки раз?

— Да, но это было потом. А тогда мне казалось, что тебя все устраивает... Я плакала по ночам...

— Я помню твои слова. И никогда их не забуду: «Если ты не можешь дарить мне подарки, то я буду принимать их от других».

— Я... ты же понимаешь...

— Я понимаю, и не упрекаю тебя, — прервал я Аню. — Ты делала все правильно. Это я совершал одну ошибку за другой. И я тебе благодарен. Не все бы прошли через это.

— Да... правда... немногие. Помнишь Пашу и Иру?

— Да, и не только их... Сколько пар распалось. Наверное, в человеке что-то ломается. Ломается безвозвратно. Разбитую вазу не склеить.

— Но мы смогли? — неуверенно и тихо произнесла моя жена.

— Мы... Мы ее поймали перед самым падением.

— Как хочется отправиться куда-нибудь в путешествие, — сказала Аня. — Последнее время мы с тобой никуда не ездим.

— Мне тоже хочется. Но еще больше мне хочется, чтобы у нас в семье было пополнение.

— Можем завести кошку, — грустно улыбнулась Аня, глядя в окно и делая глоток чая.

— Да, я знаю, ты животных любишь больше, чем людей. Даже родители говорят: «Зачем ты живешь?». Они, конечно, имеют в виду, что у нас нет детей. А нам уже за тридцать.

— Сергей! — она отвернулась.

Я затронул самую больную тему. И не потому, что хотел сделать ей больно и упрекнуть в чем-то. Просто я ощущал пустоту, неполноценность и бессмысленность. Ради чего я живу? Не знаю. Ради прошлого и настоящего, ради родителей и Ани. А в будущем что или кто? Двое пожилых и одиноких людей... Годы, десятилетия и века одиночества... И за что это наказание? Судьба такая... Никому ненужность.

Может, поэтому я любил менять места жительства. Что здесь я никто, что там, и даже вон там, а на другой стороне — тем более никто. И всем наплевать.

— Хочется попутешествовать, — повторила жена.

— Да, и мне, — повторил я.

5

Через несколько дней мне неожиданно написала Мила. Попросила мой номер телефона. Я думал, он у нее есть, но она сказала, что не записала его.

— Привет. Я помню, ты говорил, что хочешь покататься по области. Не хочешь со мной в Рамонь съездить?

Я бросил эту фразу во время нашей встречи, не рассчитывая ни на что. Но Мила запомнила.

— Привет. Да, давай.

— Ты где живешь?

— На левом берегу.

— Говори адрес, я через полчаса заеду.

Отлично, думал я, хоть какое-то разнообразие.

Мила приехала на машине, я упал на сиденье рядом с ней. Поздоровался еще раз. Чувство неловкости и неуверенности охватило меня. О чем говорить с ней? Вижу ее второй раз в жизни. Да еще и симпатичная. Меня выбило из колеи. Я как школьник или студент на экзамене. А передо мной декан. Но самое главное, какой я для нее студент — любимец или ненавистный прогульщик. От этого зависит, как будет строиться разговор.

— Мне тут по заданию надо съездить в Рамонь, — рассказывала Мила, выруливая на федеральную трассу. — Ты был там?

— Нет, я здесь особо нигде не был.

— Ты что! — удивилась она. — Там есть настоящий дворец. Я тебе покажу.

— Это я по своей области ездил и неплохо ее знаю, во многих городах бывал. А здесь... не было такой возможности.

— Но ты любишь путешествовать? — уточнила Мила.

— О, еще как люблю. Знаешь, дорога в последние годы стала моим любимым местом. Не важна цель, важен путь.

— Да, наверное, согласна. У меня есть стихи про дорогу.

— Почитаешь?

— Прямо сейчас? — бросила она, обгоняя несколько фур, мчащихся в Москву.

— Ну, можно и потом.

— Погоди, дай припомню...

И она начала сбивчиво, но приятным голосом читать свои стихи. Трасса, красивая девушка, читающая стихи. Мелькающие желто-красные деревья. Наверное, именно в этот момент во мне что-то екнуло. Я даже приоткрыл окно.

— Старый стих, я плохо его помню.

— Ничего, ты круто прочитала. Мне понравилось, правда. А про природу есть? — спросил я, вглядываясь в поля.

— Тебе интересно?

— Ну конечно, зачем бы я спрашивал.

— Я давно ничего нового не писала и не читала.

— Все хорошо, продолжай. Если это не отвлекает от дороги.

Она так мило улыбнулась, не глядя на меня. Но я получил эту улыбку. Ее первую улыбку, адресованную мне.

Я от удовольствия прикрыл глаза. Как же все атмосферно было. И чувство такое... Оно промелькнуло и разбавило серые будни... Чувство, как в восемнадцать лет... Ее голос звонко прыгал под гул машины. И я почувствовал себя так хорошо, как давно не чувствовал. И вдруг мне захотелось увидеть ее красивые глаза, насыщенно синие. Я мельком бросил взгляд — она сосредоточенно смотрела на дорогу. Я не смог рассмотреть ее глаза так внимательно, как хотел. Но мое внимание приковали губы, читающие стихи. Их движение, их приятный цвет и форма... Я отвернулся, уставился в окно и нахмурился, отгоняя от себя позабытые эмоции.

Что мне бросилось в глаза в Рамони, так это улица имени Юлиуса Фучика, героя-коммуниста Чехословакии, казненного нацистами. «Репортаж с петлей на шее» — его выдающее произведение. И памятник уроженцу села Сергею Мосину, который изобрел легендарную винтовку.

А дальше был парк, в котором кружили желтые листья. За ним — дворец Ольденбургских. Мы с Милой прошлись вокруг него, сама усадьба сейчас была закрыта для посещений.

— Красиво, — протянул я.

— Я была давно внутри, тоже интересно.

Она рассказала немного об истории дворца. Я, как любитель истории, оценил это, по-щенячьи глядя ей в глаза. Потом понял, что переборщил, и сделал лицо «кирпичом».

— Тогда я должен угостить тебя кофе в этот прохладный день.

Пришлось долго ее уговаривать.

— Да успокойся, ты меня пригласила, катаешь, показываешь достопримечательности Рамони, читаешь свои стихи. Могу я хоть что-то для тебя сделать...

Мне удалось ее убедить и наконец расплатиться с продавцом кофе. И мы продолжили прогулку по длинной аллее, защищенной высокими стройными тополями. Несмотря на неловкость вначале, теперь я чувствовал себя более комфортно. Мы делились историями из своего прошлого, шутили и смеялись. И как будто звучала гитарная небыстрая и неагрессивная мелодия. Желтый цвет листьев, разбросанных ветром по асфальту, добавлял душевного тепла.

Я поймал себя на мысли, что так хорошо мне не было очень давно.

Она остановилась возле лавочки, попросила подождать и отправилась в серое здание, стоявшее неподалеку. Почему-то улыбка не сходила у меня с лица, пока я ждал Милу.

— Муж не будет ревновать, что ты меня с собой взяла? — спросил я, когда она вернулась.

— Все, можем возвращаться... Муж... Я в разводе. Верней, развожусь. Уже который год. Ну, мы не живем вместе.

Я не стал дальше выспрашивать, бередить ей душу. Однако я заметил, что она не погрустнела. Видимо, эта давняя тема уже не вызывала в ней сильного эмоционального отклика.

— Раз уж мы об этом заговорили... Я не вижу у тебя обручального кольца.

— Я его просто не ношу. Не очень удобно мне с ним. Мы... недавно поженились.

— А давно вместе?

— Да, давненько. Почти десять лет.

— Ничего себе. Это вы молодцы. Мой первый муж, гражданским браком мы с ним жили... Меньше трех лет. Но у меня от него осталось маленькое чудо — Надя, ей восемь лет. А у тебя дети есть?

— Нет.

— А может, есть, но ты о них не знаешь? — рассмеялась Мила.

— У меня была не настолько бурная молодость.

Мы продолжили говорить на более отвлеченные от нас самих темы. И нам было интересно узнавать что-то друг о друге.

— Пойдем погуляем? — предложил я Ане.

— Ой, не хочу. Нет настроения.

— Давай тогда поиграем в настольные игры или посмотрим какой-нибудь сериал? Или фотки старые пересмотрим? Или пообнимаемся?

— Не, я устала, хочу побыть наедине с собой.

Уязвленный, я оделся и ушел в темные сумерки один. Эта ситуация постоянно повторялась. И мы спорили и ссорились. В этот раз я решил не выяснять отношения, а просто уйти. Тоже побыть одному, наедине с собой. В воздухе летала мокрая пыль, лужи подрагивали от ветра, листья осыпались стаями. Темнело, еще чуть-чуть и включат фонари. Многоэтажки скрывали шум дороги. Я вышел к широкому и оживленному проспекту. Суета. Жизнь. Хорошо и грустно.

Пришло сообщение от Милы: «Что делаешь?» Я ответил, что гуляю в одиночестве по городу. Она предложила встретиться в центре. Я обрадовался и... укорил себя за это. Не должен я так себя вести, не должен я ехать и общаться с другими девушками. Неправильно это. Но что мне остается?

В этот раз при встрече она приобняла меня. В строгом черном, но не очень длинном пальто и черной шляпке. Элегантно, утонченно. Мила умела обращать на себя внимание.

— Теперь я угощу тебя, пойдем.

— Ну, пойдем, — улыбнулся я.

— Сергей, я, собственно, к тебе по делу.

— А-а-а, — я слишком явно выдал свое разочарование. Потом понял это и все постарался перевести в шутку. — А я уже подумал, что соскучилась, жить без меня не можешь.

— На чужой каравай рот не разевай, — со всей строгостью ответила Мила.

— Так что такое?

— У меня в скором времени будет персональная выставка картин.

— А, хочешь, чтобы я поснимал?

— Да, хочу. Ты сможешь? В эту пятницу вечером.

— Думаю, да.

— Я в долгу не останусь, — заверила Мила.

— Нет, нет. Денег я с тебя не возьму.

— Хорошо, что тогда?

— Да ничего не надо, Мила, перестань.

— Ну, ладно, я сама подумаю.

Кофе я пить не стал, остановился на чае. Посидели в кафе недолго. Она спешила домой. К дочери. Я сказал, что еще останусь в центре, прогуляюсь по такой погоде, хороший вечер.

— О, да ты романтик.

— Есть такое дело, — подтвердил я.

— Тогда, романтик, можешь меня проводить, если хочешь погулять.

— С удовольствием.

— Нет, удовольствие я не обещаю, — подколола она.

— Да, но я его все равно получу, — парировал я.

Мила легонько толкнула меня кулачком в плечо, как бы говоря: «Какой ты дуралей». Мы шли по центру, дождливый ветер все усиливался. Она взяла меня под руку, второй — придерживала шляпку. Пустынные улицы принадлежали только нам. Почему люди так боятся дождя? Мы пришли к арке дома со шпилем.

— Это мой двор. Спасибо, Сережка.

— Всегда пожалуйста.

Мы разошлись.

Дома жена не задавала никаких вопросов: где я был, с кем, что делал? А не наплевать ли ей на меня? Столько лет уже вместе. Подумать только — почти десять лет. Остались ли хоть какие-то чувства, я уж не говорю про любовь. Она, наверное, была, но скрылась под слоями бытовой пыли.

Мне казалось, что мы отдаляемся. Я отдаляюсь, а Аня... Может, она никогда и не приближалась ко мне по-настоящему? Я вспоминал мои претензии к ней. Господи, да большинству из них практически столько же, сколько и нашим отношениям. И ничего не изменилось, ничего не исправилось. Да и я не идеален, но я стараюсь слушать и слышать. А слышит ли она меня? Все говорило об обратном.

На моем лице невольно появилась улыбка, когда подумал о Миле. Это даже Аня заметила.

— Ты чего улыбаешься?

— Да так, шутку вспомнил.

— Какую? — она была дотошной.

— «Самое искреннее, что я слышала, это мурчанье котенка. В нем нет лжи. Свинья, когда хрюкает, тоже не звездит», — пересказал я гулявшую в интернете картинку.

Аня усмехнулась и ушла на кухню, удовлетворившись ответом.

Я всю неделю продолжал думать о Миле, потому что она оставалась, наверное, единственным источником положительных эмоций. Серые тучи, завладевшие небом не на день и не на два, давили, статичная картина за окном квартиры удручала, а она, поэтесса, художница, менеджер и активистка, была лучиком солнца, оставшимся здесь, на земле...

Нет, надо гнать от себя все это.

6

Галерея была огромной, с высокими потолками, на стенах висели картины разных авторов — и оригиналы русских художников, и репродукции мировой классики, и работы современных мастеров. Как все интересно. Кое-где встречались скульптуры и бюсты древних греков, египтян, поделки и игрушки древних людей.

Средних размеров помещение было предоставлено руководством галереи под работы Милены. Собирались приглашенные гости, они подходили к картинам и озадаченно перешептывались между собой, кивали и усмехались. Виновница торжества была неотразима в бледно-красном вечернем платье. Я не мог отвести от нее взгляд. Она меня именно для

этого позвала на самом деле? Не ради фотографий? И я не знаю, какой ответ был бы лучше.

Я усердно работал, щелкал всех подряд и в первую очередь ее.

В назначенный час все собрались перед Милой, и она начала рассказывать. Много, где-то даже косноязычно, сбиваясь. При этом она не теряла своего очарования. Наоборот, оно становилось все сильней, притягивало, как магнит. Собравшиеся узнали о том, в каких техниках она работает, как к ней приходят сюжеты, где черпает вдохновение. Стандартные темы. На меня Мила толком не смотрела. Почувствовал себя ненужным, как будто меня используют. Фотографий было достаточно, я перестал снимать. Стоял с отстраненным видом, рассматривал картины. В основном преобладали пейзажи, деревенские домики. Но встречались и изображения космического неба, темно-синего, сиреневого, с яркими звездами. Был портрет ее дочери — девочки с темными, как смола, волосами и острым подбородком. Взгляд очень строгий и очень серьезный. Почему Мила решила нарисовать ее именно такой? Еще выбивался из общей канвы автопортрет. На нем она была похожа на себя, но какая-то не такая, как будто это сестра-близняшка. Но что не так в ее внешности? Моложе? Серьезней? Грубей? Да, улыбка отсутствовала, а я привык видеть Милу именно улыбчивой, смеющейся.

Я постоял еще немного, выступал спикер из Союза художников России, делился впечатлениями от увиденной экспозиции.

Что же, мне здесь больше делать нечего. В непонятных, расстроенных чувствах я отправился к гардеробу. Мне всегда было непонятно, почему именно среди людей чувствуешь себя очень одиноким. Но и уезжать в глушь, в которой каждый прожитый год не отличается от предыдущего, где ничего не меняется даже визуально, не хотелось.

Я дал номерок и взял куртку.

— Ну, и куда это мы собрались? — услышал я знакомый голос. — Чуть не упустила тебя из виду.

— Я все пофоткал, обработаю и скину.

— Хорошо. Но сейчас мы пойдем в кафе, посидим и отметим мою выставку, хоп?

— Хоп? Что это? — удивился я.

— Это «договорились» на узбекском, — очаровательно улыбнулась она.

Мое плохое настроение как рукой сняло, внутри стало тепло. Она не дала мне почувствовать себя забытым и заброшенным. Мила оказалась внимательной и чуткой, уловила мое настроение.

— Ну, давай, — развел руками я.

— Сейчас, еще немного мне надо побыть, минут десять.

— Ладно, ладно.

Немного позже она вышла из галереи, уверенным движением взяла меня под руку, и мы пошли в кафе. С Милой было уже привычно и комфортно, исчезло беспокойство, неловкость, как при первых встречах. Веяло прохладой, мы кутались в воротники, прятали лица от ветра, пытаясь разговаривать.

В одном из заведений на проспекте заказали перекусить и пару коктейлей. Я, как всегда, не хотел пить, но Мила настояла, что надо отметить такое важное событие в ее жизни.

— У меня ведь не так много выставок было. Это, по-моему, четвертая. Я имею ввиду, персональных. Были еще какие-то сборные.

— Я за тебя очень рад. Дивлюсь, как у тебя на все хватает времени.

— А его и не хватает. Постоянно приходится делать что-то в ущерб другому. И потом чередовать.

— А у меня вроде и время есть. Только заполнить его нечем. Все так быстро живут, куда-то мчатся, столько дел, решают свои проблемы. А мне и мчаться-то некуда.

Мы выпили, предварительно чокнувшись бокалами.

— Расскажи мне о Донбассе, — попросила она.

— Если честно, то не хочу. Когда-то я пытался что-то кому-то рассказывать, а потом видел стеклянные глаза, наплевательские и безразличные. С тех пор я никому ничего не рассказываю. Все есть в интернете, во всем можно разобраться самому.

— Но мне все-таки интересно, — настаивала Мила.

— Что именно?

— Ну, например, как ты оказался в России.

— Началась война, десятками начали гибнуть люди. Я взял жену, на тот момент мы только встречались, и увез ее. Вот и все.

— Ты немногословен сегодня.

— Извини. Но это такая тема...

— У тебя погиб кто-то?

— ...о которой я не хочу говорить. Все, давай о чем-нибудь другом.

— Ты меня тоже прости. Я всего лишь хотела узнать тебя получше. Ты обычно веселый и улыбчивый, шутишь, а сейчас... у тебя такое лицо стало...

— Вот, кстати, по поводу лица. Мне твой автопортрет понравился. Необычная ты на нем.

— Да.

— Не могу даже понять, что не так.

— А я тебе скажу, — покивала Мила. — Я писала его после смерти сестры. Она недавно умерла. Это выражение горя. Только слезы я не стала рисовать. Хотя они были... Вот видишь, я говорю тебе все.

— Вы были близки?

— Да, я ее очень любила. Хотя она была и младше, но я ее всегда считала старшей из нас. Я — раздолбайка, а она серьезная и основательная, часто наставляла меня на путь истинный.

Мила ушла в себя, это можно было понять по взгляду. Вспоминая о сестре, она невольно улыбалась. Как мне была понятна ее улыбка!

— Семьи у нее не было. Ничего после нее не осталось, — улыбка исчезла. — Только воспоминания.

— Иногда этого достаточно. Иногда воспоминания более осязаемые, чем что-то конкретное.

— Да, ты меня понимаешь. Она часто приходит ко мне во сне, мы общаемся. И часто кажется, что она жива.

— Мне часто снится один сон в разных вариациях. Что я еду на синем «опеле» с товарищами. Это действительно было. Когда начиналась война на Донбассе, я не скрывал своих взглядов. Я был и остаюсь за Россию. Даже выступал однажды на митинге. В общем, активист пророссийский. При этом у меня было много знакомых, товарищей, друзей с разными взглядами, в том числе и крайне правыми. И вот двое товарищей позвали меня съездить с ними в область. Война уже шла. Хотели посмотреть то ли разбитую обстрелами военную часть, то ли еще какой-то объект. Я согласился, хотел пофотографировать. С ними были еще два их знако-

мых, которых я не знал. И вот мы едем, а у меня какое-то предчувствие появляется. Разговоры у них становятся странные и агрессивные в мою сторону. Упреки, споры и обвинения. Я понимаю, что что-то здесь не то. А потом один из этих незнакомых достал пистолет. Как бы невзначай, крутил его, рассматривал, хвастался. Я присмотрелся ко второму и заметил татуировку в виде свастики, какую носят украинские националисты. В общем, я не знаю, как передать словами эту обстановку. Но в один момент я отчетливо понял, что они едут, чтобы убить меня где-нибудь в посадке. Меня спасли две вещи. На дороге встретился блокпост ополченцев. Они остановили машину, но ничего толком не проверяли, не досматривали. Мой знакомый, который был за рулем, переговорил с ними, что-то они посмеялись. Хорошо, что я сидел возле двери на заднем сиденье, а не посередине. Я просто взял и вышел. Вышел и остался на этом блокпосту. Ополченцы тогда ничего не поняли, а мои знакомые сказали, мол, остаешься, ну ладно, до встречи. И уехали, как ни в чем не бывало... Я знаю, они бы убили меня... Теперь я достаточно тебе рассказал?

Мила промолчала, только сделала глоток коктейля. Я тоже.

— Поэтому с тех самых пор, с четырнадцатого года, я никому не верю.

— А по тебе так и не скажешь. Ты открытый и веселый.

— До определенной степени. Ну кому понравится унылая рожа, кто ее полюбит?

— А ты хочешь, чтобы тебя все любили?

— Нет...

— Я вот на тебя смотрела на открытии выставки. Ты не такой был. Серьезный, угрюмый даже, «морда кирпичом». А ты же совсем другой.

— Я... я не знаю, какой я. Уже ничего не знаю. Помнишь, как у Розенбаума: «Заблудился в темном лесу я». Вот так и я, заблудился и уже не выйду, скорее всего.

— Я тебя выведу. Если понадобится, я, как Данко, пожертвую своим сердцем, чтобы вывести тебя из этого темного леса.

Мне стало очень неловко, я отвел глаза и сел вполоборота к Миле. Помолчали каждый о своем. Затем разговор продолжился в более веселом русле. Рассказывали друг другу всякие комичные истории. А взгляд ее, обращенный на меня, стал другим. И я не мог понять, каким. Но такими глазами не на каждого смотрят. А эти грозовые глаза в полутьме... Они светились насыщенным синим цветом, когда на них попадал сторонний огонек.

Она становилась слишком важной для меня. Я пытался сопротивляться, но не мог.

7

Зима шла медленно, никуда не спешила, холодная и серо-белая. Я занимался работой, но все мысли были о ней. Минуты, дни, недели.

Мы стали часто общаться. Постоянно переписывались в социальных сетях, иногда созванивались. Узнавали друг друга и наслаждались общением.

Я из-за невозможности все это скрыть рассказывал Ане о своей новой знакомой, подруге. Она достаточно спокойно воспринимала наше общение, без видимой ревности и, казалось, даже одобряла.

— Я рада, что у тебя появились новые друзья, — глядела Аня с хитрым прищуром. Мне не хотелось замечать его. Женское сердце, разве его

обманешь? Может, ее успокаивало кольцо на пальце, которое она так хотела: мой муж, никуда не денется.

Проблема в том, что я отдалялся от жены, становился менее к ней привязан, все время я хотел проводить с новым для себя человеком, с новой женщиной. И все мы догадывались, чувствовали, что происходит, но еще не говорили об этом открыто.

В один из зимних дней мы гуляли в парке имени Дурова с Милой и ее дочкой. Это была забавная, смешливая девчушка Надя, которой я подарил большую детскую энциклопедию с красивыми картинками. Знакомство прошло успешно. Мы играли в снежки, смеялись, валялись в снегу. И все это время я ощущал на себе взгляд Милы. И мое сердце таяло. Я понимал, что она хочет быть со мной.

Когда мы гуляли втроем, я чувствовал, что являюсь членом настоящей семьи, а Надя — как будто моя дочь. От этих мыслей сразу становилось грустно — у нас-то с Аней детей не было.

Когда мы виделись только вдвоем, я едва держал себя в руках… Перед очередной встречей я полушутя написал ей: «Надень сегодня платье с вырезом поглубже». У меня было два варианта: либо она назло мне наденет закрытую водолазку, либо… Она пришла в бирюзовом коротком платье с волнующим вырезом.

В небольшом и пустом ресторанчике мы зашли помыть руки. Я оказался за ее спиной… Положил руки на талию, глядя в ее глаза через отражение… Прижался… Она прижалась в ответ, положила свои ладони на мои руки, закрыла глаза. Мои руки скользили по ее животу, она все сильней прижималась ко мне, откинула голову мне на плечо, повернула лицо. Ее губы оказались совсем рядом… Я отпрянул, слишком резко и неожиданно.

Мы снова встретились за столиком. Я согревался чаем, хотя меня и без него бросило в пот.

— Не знаю, как ты сдерживаешься, — бросила она.

На это нечем было ответить.

Радость первых впечатлений, первого общения, узнавания проходила. Появлялась боль…

Боль от сложившейся ситуации, нехорошей со всех сторон. И я стал причиной этому.

— Когда ты меня провожаешь, я не хочу, чтобы ты уходил, — тихо произнесла Мила. — Я хочу, чтобы ты остался.

«Ты хотел? Ты получил! Доволен? Ловелас хренов», — думал я про себя.

— Я бы тоже хотел остаться… — неопределенно ответил я.

— Но я так не могу. Пока у тебя кольцо на пальце, пока ты женат, пока она ждет тебя дома.

— Я понимаю. И я тебе за это благодарен. Ведь сдерживаюсь не только я, но и ты.

— Да…

— Я никогда не был в подобных ситуациях…

— Мне недавно приснился сон. Там был ты, я, Надюшка. Еще там был мальчик. Наш сын.

От этого мне стало еще более паршиво на душе. «Какой же ты придурок», — думал я про себя. Теперь тебе решать эти проблемы. Но как быть, сердцу ведь не прикажешь. Кто виноват, что все так получилось? Я, Мила, Аня или злодейка-судьба, бросившая кости, которые выпали именно таким образом?

Когда я вернулся домой, Аня уже спала. Я отряхнулся от снега, тихо снял ботинки и куртку. Беззвучно прилег рядом с женой. Смотрел в потолок, пытаясь разобраться в себе. Неожиданно в темноте раздался голос:

— Я вот думаю, а что будет, если ты уйдешь к ней? Что будет со мной? Как я буду жить одна без тебя?

Еще одна фраза, на которую мне нечем ответить. Два сложных вопроса, на которых не было хороших ответов.

Я просто повернулся к Ане и обнял ее. В тишине я прислушивался, не плачет ли. Нет. Спокойная, безразличная, уже сто раз прокрутившая у себя в голове эти мысли.

«Ну и кого из них ты сделал счастливой? — думал я. — Ладно... А сам ты стал более счастливым? Нет, ни на сколько».

8

Дома, на Донбассе, ситуация накалялась. Родители рассказывали, что украинские войска снова начали активно стрелять артиллерией, наши, до этого сдерживаемые приказом не вестись на провокации, отвечали, пытаясь подавить огневые точки противника.

Еще страшней были теракты. Диверсанты, засланные и завербованные Киевом, взрывали автомобили с местными политиками и командирами, подкладывали бомбы для уничтожения инфраструктуры.

Я переживал за родителей. Все шло к большой войне. Кому это было не понятно? За прошедшие годы Украина воспитала ненавидящее русских и Россию население, пропагандой запудрили мозги, выставив Москву главным вселенским злом. Более того, Киев якобы уже восемь лет воевал именно с Москвой, а не Донбассом, не со своими бывшими гражданами. Я помню выбитые стекла в моей школе, школе, в которой учились мои сестры, сожженные магазины, рынки и дома. Погибших жителей... Тогда это удалось прекратить, однако пятнадцать тысяч человек, по официальной статистике, было уже не вернуть.

Теперь Украина хотела все это повторить. Эксперты говорили о том, что украинская группа войск выстраивается в наступательном порядке, готовит удар. Крохотные непризнанные республики, одинокие Луганск и Донецк, были обречены. Огромная группировка войск сотрет их с лица земли. А Россия... что же Россия, на которую все возлагали надежды... Неужели останется в стороне?

Я не знал, что делать, каждый день связывался со своими и спрашивал, как они там? Мои любовные переживания отступили на второй план. Не хотелось думать ни об Ане, ни о Миле. О войне думать тоже не хотелось. Я хотел просто спокойно жить, радоваться жизни, не думать о судьбах мира, общаться, любить... А на душе все гаже и гаже...

Но Россия не промолчала. В ответ на запрос республик, они были признаны. И это была радость, это был праздник. Но после праздника наступили тяжелые военные будни. Президент Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции по защите Донбасса.

Утром 24 февраля все началось. Миллионы людей, открыв в этот день новостную ленту, не поверили своим глазам. Войска России уже были в Черниговской, Киевской, Харьковской, Сумской областях, поступали данные о русском десанте в Одессе. Не говоря уже о ДНР и ЛНР.

Из республик начали эвакуировать женщин, детей и стариков. А всех мужчин мобилизовали, отправляя на фронт.

Украинские войска терпели поражение, они не ожидали такого развития событий. Хотелось злорадствовать: «Врали все эти восемь лет, что воюете против России, так повоюйте теперь!» Но не получалось... Загребать жар чужими руками я не умел. И все же из меня полезло столько злобы, ненависти, что я перестал читать новости.

Я прекрасно помнил фразу: «Самые жестокие люди обычно самые трусливые».

«Не будь жестоким и трусливым, не радуйся тому, что сейчас где-то гибнут люди. Есть подонки, туда им и дорога, но есть и обычные люди, которые не знают, что теперь делать. Как и мы тогда, в четырнадцатом году», — говорил я себе.

Как-то с Аней ехали в автобусе. Людей было мало. У водителя включено радио, новости об актуальных на данный момент событиях. Рассказывают о беженцах из Украины в Европе и попытках их всех приютить и обогреть.

Ведущий рассказывает о Молдавии, которая собрала свободные средства и радушно приняла украинцев, а также о жителях страны, возмущенных поведением некоторых прибывших, которые требуют, чтобы с ними не общались на русском языке, а только на том, «который они понимают». Затем звучит упоминание Польши, где тоже принимают соседей, хотя еще недавно беженцев из Сирии не пускали на порог и даже стреляли в них.

С места вскакивает худенькая девушка с недовольным лицом и о чем-то говорит с водителем. Сперва показалось, что просто спрашивает что-то, но по ходу беседы она распаляется и становится слышно: «Выключите это немедленно! Вы зачем голову людям морочите?»

Водитель говорит: «Это радио, что не так?»

«Я журналист! — заявляет пассажирка. — И я говорю вам, что все здесь сказанное — пропаганда и ложь от первого до последнего слова. Выключите немедленно!»

Водитель пожимает плечами и спокойно спрашивает: «Вы что, нацистка?» Автобус останавливается, она выскакивает в открывшиеся двери. Он снова громко спрашивает: «Вы нацистка?»

«Я — человек», — бросает она недовольно и уходит.

Журналистка... наплевавшая на всех погибших на Донбассе. Ну какая она мне может быть коллега? Либо лицемерка, замечающая только то, что укладывается в ее картину мира, либо просто недалекий человек. Конечно, она может иметь любое мнение, это право бесценно — и его никто не отменял. Но что это мнение значит для тех, кто потерял близких, кто лишился дома от украинских обстрелов, кто сидит в окопах и штурмует села, кто влачит нищенское существование, потеряв веру в светлое будущее? Ничего. Мнение этой журналистки не значит ничего.

Шли дни и недели. Я места себе на находил. Я не мог спокойно наблюдать за этим всем.

Я не мог уснуть, перед глазами стояли картины пепелищ, разорванные тела, горящие дома. Пришлось пить успокоительное. Аня как могла успокаивала меня, нервного и слабого. Все то, с чем я боролся восемь лет, эта затянувшаяся депрессия, вызванная бесцельной жизнью, накатилась еще больше и, казалось, прибрала меня к себе. Я не помню, как засыпал, просто отключался, когда было далеко за полночь.

— Сережа, с тобой все хорошо? — будила жена. — Ты громко стонал.

И так едва ли не каждую ночь.

Я не мог бездействовать. Мила написала очень романтическое небольшое письмо, а с Аней мы поссорились, я наорал на нее так, как никогда не орал. Я окончательно запутался во всем, в чем только можно было. Во мне сплелся такой сложный клубок из самых разнообразных чувств: влюбленности, ненависти, страха, отчаяния...

Пытаясь разобраться в себе, я бросил все и отправился на Донбасс. Даже Ане я сообщил об этом в последний момент, а Миле и вовсе ничего не сказал.

На улице стояла умеренно теплая погода — весна. Наверное, одна из самых несчастливых весен. В этом году она не принесла с собой ничего того, что обычно приносит — любовь, надежду и радость.

Пустой автовокзал, безлюдные утренние улицы, такси до родительского дома. Объятия с родными после долгого расставания. Недолгий сон. Проснулся. Вокруг та же обстановка, которая была в детстве. Дом, за годы ставший уже чужим, снова погрузил меня в те беззаботные годы.

Пообщавшись с родителями, я отправился в школу, до которой было пять минут ходьбы. Прошел мимо детского сада, в его огороженном дворе играла ребятня, веселая и смешная. Надеюсь, они не понимают, что происходит, что воспоминания об этом времени у них сотрутся.

Возле школы были люди с автоматами — сотрудники комендатуры. Я зашел в вестибюль и удивился, не увидев здесь бегающих детей. В нем стояли столы, за которым сидели мои учителя, а перед ними стояли очереди из людей.

Я подошел к девушке в форме.

— А что здесь происходит?

— В каком смысле? Вы с какой целью интересуетесь? — с подозрением посмотрела она на меня.

— Да я... — немного замялся. — Учился здесь, ищу учительницу свою... А, вон она.

Ирина Яковлевна не сразу меня заметила. Я немного подождал, пока не ушла женщина, данные которой записывались в журнал.

— Здравствуйте.

Ирина Яковлевна подняла на меня удивленные глаза, немного улыбнулась, встала из-за стола, и мы отошли в сторону.

— Это все беженцы из Мариуполя. Мы их здесь размещаем. Видишь все это, — учительница показала на горы вещей, сложенных на скамейках. — Это жители нашего квартала принесли — одежду, еду. Постоянно приносят, очень много неравнодушных людей, все помогают.

Я и забыл, что занятия в школах отменили из-за военного положения, а многих детей по возможности эвакуировали в Россию. Поэтому я не увидел той своей старой школы.

— У меня знакомая в больнице работает, — рассказывала Ирина Яковлевна. — Много раненых ребят.

— Да, представляю...

— Как у тебя дела?

— Да что у меня, нормально все.

— Спасибо, что не забываешь. Извини, времени нет. Слишком много работы.

Теперь Луганск превратился в тыловой город. Сюда эвакуировали людей, временно расселяли их, давали необходимое. Из Мариуполя, Рубежного, Северодонецка, Лисичанска, других городов и сел. Я вспомнил рассказы о том, как раньше, во время Великой Отечественной войны, в

разных учреждениях размещали казармы, полевые госпитали. И сейчас все то же самое.

В университет, находившийся также неподалеку, я попасть не смог — пускали только по пропускам. Поэтому решил отправиться в одно из мест, которое всегда посещал по прибытии в город. На могилу к старцу Филиппу. Там стояли часовенка и новая церковь, а возле его могилы — чудо. Возле могилы лежала часть дерева, обращенная старцем в камень. И все верующие приходили сюда, чтобы прикоснуться к этому камню. Я сам не раз трогал это каменное дерево. Приехал и в этот раз.

Людей на улицах было мало, несмотря на располагающую к прогулкам теплую погоду. Особенно чувствовалось отсутствие мужчин. Все либо на фронте, либо сидят по домам.

Я отправился в еще одно место, которое давно не посещал, на другую окраину города.

9

Мне всегда было спокойно на кладбище. Я иногда приезжал сюда не на праздники, а просто...

Предстояло пройти несколько километров. Я шел, пронизываемый апрельским, еще прохладным ветром. Высокие дома остались позади. Перешел трассу. Деревья стояли еще без листьев, старая трава была мертвенно-желтоватой. Как разрослось кладбище! Сколько свежих могил, еще без надгробий и памятников, только кресты.

Много ворон, все каркают и каркают, кружат стаями. Я съежился, то ли от холода, то ли от всей этой неприятной картины. Шел и бросал взгляды по сторонам, читая фамилии и годы жизни. И тут заметил надгробие с изображением Лехи Соловьева. Мой товарищ по университету, который учился на пару лет младше. Он работал фотографом в глянцевом журнале, мы частенько с ним пересекались, болтали. Он был невысокого роста, с темными густыми волосами. Я остановился и зашел за оградку, сел на лавочку возле его могилы. Эх, Леха, я ведь даже не успел ничем помочь, слишком ты быстро ушел, умер от почечной недостаточности. Еще до начала войны. Не знаю, можно ли так говорить, но хорошо, что ты всего этого не увидел.

Теперь я знал, где похоронен Лешка. Буду заходить и к нему иногда. Я видел его за пару недель перед его внезапной смертью, на лавочках возле первого корпуса университета. Кто же знал, что эта случайная встреча будет последней встречей с этим молодым жизнерадостным человеком. А через месяц после смерти Леха мне приснился, мы шли и болтали, а потом разошлись в разные стороны.

Я брел и брел по кладбищу. Солнечно, свежо, но ветрено так, что даже сделать глоток воздуха тяжело.

Еще одна оградка, знакомая мне. Это родители моего старого друга. Они разбились в автокатастрофе, когда он был совсем маленьким. Сюда я не захожу.

А вот место последнего пристанища еще одного моего товарища — Николая Сидорова. Он в отцы мне годился, работали вместе, он давал советы по фотографии. Коля пережил самые тяжелые времена — лето четырнадцатого года, бывал в переделках и никогда не боялся. Прощание с ним прошло в русском драмтеатре, на которое пришли многие известные в республике люди. Я помню его гроб и тело. Спокойное, умиротворен-

ное лицо. Мне показалось, что это не он, это не Коля, его уже не было в этом теле. И тем не менее, он был в зале, я чувствовал это. Он был среди нас... Возле его могилы я тоже немного постоял, посмотрел на фотографию. Вспомнил, что видел Колю за три недели до его смерти, в сквере «Молодой гвардии», в котором проходило какое-то праздничное мероприятие. Мы оба фотографировали. Я был с Аней. Сказал ей: «Это наш известный луганский фотограф. Он меня многому научил».

Сердце наливалось тяжестью и болью. Никогда не знаешь, когда увидишь человека в последний раз. А потому не придаешь особого значения этим встречам. Ведь жизнь человека должна быть вроде бы долгой? Должна...

И вот я пришел на другой конец кладбища. Здесь покоилась моя бабушка Маша, которая умерла еще до моего рождения. Я ее никогда не знал, видел только на фотографиях. И все равно приходил сюда время от времени.

— Ну, привет, бабушка. Как у меня дела? Да все нормально. Только что-то я запутался в своих любовях, не знаю, что делать, как правильно поступить...

Долго я вслух рассказывал о событиях из моей жизни. Рассказывал надгробию и фотографии. Как будто бабушка и так всего этого не знала.

10

— Ты куда пропал? — написала мне Мила.

— Домой приехал.

— В смысле домой? Куда? В Донбасс?

— Да, к родителям.

— Зачем ты туда поехал?.. Я... так боюсь тебя потерять...

— Мне кажется, что я давно себя потерял, Мила.

— Сергей! Это из-за меня? Скажи мне честно. Я же теперь спать не буду. Я каждый день смотрю эти новости, а ты взял и уехал туда, ничего не сказав.

— Тут спокойно. Луганск сейчас уже тыловой город.

— Да несколько дней назад по нему стреляли... Я не прощу себе этого...

— Успокойся, ты тут ни при чем. Мне просто надо было приехать сюда. Понимаешь?

— Какой же ты придурок... Я даже не знаю, как тебе сказать... Я тебя прибью!

— Угрозы, обещания, унижения... Ты точно была влюблена в меня? — попытался я пошутить.

— Я такого никогда не испытывала... Таких чувств смешанных, смятенных...

— Понимаю, я тоже.

Я поехал в библиотеку имени Горького. Всегда мне нравились произведения этого великого пролетарского писателя. Что ни говори, а все равно хорош. Передал кое-какие гостинцы из Воронежа. Директор очень благодарила.

А на следующий день я узнал, что на фронте погиб сотрудник библиотеки. Все мужчины-сотрудники бюджетных учреждений были призваны и защищали сейчас Родину с оружием в руках. Знакомый рассказал, что уже погибло семь университетских сотрудников, а еще одному оторвало ноги.

Моим пристанищем стал бар недалеко от дома. Конечно, выпить стопку-другую я мог и дома, но хотелось сменить обстановку, не сидеть в четырех стенах, не погружаться в черные мысли. Заведение это не претендовало ни на какие лавры приличного. В довоенные времена здесь постоянно кого-то резали, избивали, грабили, а сейчас... Разве все это сейчас имело значение?

Только я сделал первый глоток пива, как у меня за столиком появился сосед. Лицо его было непрезентабельное, под глазом красовался перезревший бланш.

— Не против, родной?

Я кивнул, мол, садись.

— Ну, давай выпьем. А то тут только мы один. Не чокаясь. За пацанов наших погибших.

Мы выпили. Настроения не добавилось.

— Я воевал в четырнадцатом. Потом уволился в запас. Сейчас ходил — не взяли. Почему, не знаю. Я помню... я помню, как возвращал в Россию тело погибшего добровольца. Через границу перевезли, еду к его родне и думаю: «Пусть мать, убитая горем, меня хоть в клочья порвет, но я верну ей тело сына».

И он горько сжал кулак. Выпил. Я пристально смотрел на него. Обычный донбасский работяга, скиталец, выпивоха. Но почему он был мне ближе всей этой гламурной тусовки в дорогих ресторанах, пафосных телок, качков на дорогих машинах? Я глядел в его глаза и видел в них, пусть это банально, душу. Я видел, какую тяжелую эмоциональную работу она проделала. Как он терзался этими воспоминаниями, как он ставил горе других выше своего собственного, и тем самым он в действительности был выше и приятней богемы, возомнившей о себе слишком много.

Как только я зашел домой, мне пришло сообщение от жены:

— Ну, как ты там? Я очень по тебе соскучилась.

И фотография в неглиже.

— Спасибо. Очень кстати, — ответил я.

Несколько часов я провел, разглядывая старые фотографии. Родственников, родителей, свои собственные.

Пришло сообщение от Милы:

— Прости, если я что-то не так сказала. Я очень переживаю за тебя.

Она тоже решила меня порадовать, прислав фотографию, на которой рукой прикрыла обнаженную грудь.

Это уже ни в какие ворота не лезет! Надо что-то решать с этим. Бросить обоих или остаться с кем-то из них? Но с кем?

Я отключил телефон. Ничего не хочу, ни с кем не хочу общаться. Выдернул телевизор из розетки, чтобы родители не смогли его включить, как только придут с работы. Лег на пол, включил любимую группу, закрыл глаза.

Прямо сейчас вы будьте счастливы,
Прямо сейчас закончится, прямо сейчас, увы.
Прямо сейчас вы будьте счастливы,
Ибо потом только гробы, гробы, гробы...

Господи, да что ж такое! И здесь одни гробы!

Я оделся, накинул свою серую куртку и выбежал из дома. Не хотелось оставаться наедине с самим собой, и пытался убежать в город. Пы-

тался скрыться на родных улицах, в знакомых до боли дворах, где я провел столько бесценного времени. Те же разбитые чиновничьим безразличием дороги, те же мрачные хрущевки, те же абрикосы и тополя. Все как в детстве. Только людей на улицах нет. День клонился к вечеру, но солнце еще дарило свои яркие лучи. Но это не спасало город-призрак. Гробы, гробы, гробы... Слезы.

В Луганске я дышал как будто железом. Настолько здесь непригодный воздух и атмосфера сейчас.

Зашел в магазин купить себе что-то для снятия напряжения. Передо мной мужчина говорит продавщице:

— Помнишь моего брата? Сегодня похоронил.

Блуждая по дворам в центре города, я увидел знакомый силуэт, женскую фигуру. Я, несмотря на заплетающиеся ноги, сделал бросок к ней, обогнал и повернулся, чтобы посмотреть, не обознался ли.

— Алена! Привет.

Видимо, моя реакция была слишком радостной. Бледная женщина отпрянула в сторону.

— Это я, Серега. Помнишь, мы вместе работали в газете?

— Сережа? Здравствуй...

— Как ты, Аленушка?

— Ты пьяный, что ли?

— Да, есть немного. Совсем что-то настроения нет.

— Дурак, что ли? Нельзя по городу пьяным ходить, особенно по центру. Увидят — заберут на войну. Пойдем лучше ко мне, я тут рядом живу.

Сидя на кухне, мы выпили. Рассказывали друг другу, как у кого сложилась жизнь.

— Сын мужа от первого брака погиб в августе четырнадцатого года. Было затишье, он выбрался из подвала во двор. Снова начался обстрел, его убило снарядом. А через две недели стрельба прекратилась.

Не дожил до перемирия. Парню было пятнадцать лет.

— А теперь и муж... — она не смогла договорить.

Я придвинулся и обнял ее. Прижал очень сильно, чтобы унять ее дрожь.

— Ну, все-все. Что ж поделаешь, Аленушка... Им сейчас хорошо там, наверху.

До войны она была достаточно эффектной брюнеткой. Сейчас я погладил ее седые пряди, коих было предостаточно. Прижал и поцеловал в лоб.

— Ну, не плачь, Аленка. Давай лучше выпьем.

Наутро я проснулся у своей знакомой. Она уже готовила завтрак, но я отказался. Оделся и ушел, не попрощавшись. Разве такой жизни она заслужила? Потеряла любимого человека, пасынка. Осталась одна. Разве есть что-то, что сможет ее утешить? Виновные в этой войне, чтобы у вас языки отсохли!

Ехал домой на маршрутке, перегар от меня веял сильный. Я уперся в окно, чтобы ни на кого не дышать, чтобы никто меня не видел. Повернули на широкую улицу, проезжали мимо частного сектора. Местами виднелись заброшенные, полуразрушенные дома. Недалеко отсюда жил мой знакомый, я даже его имени не знал, только прозвище. В один из дней жаркого лета четырнадцатого года он с отцом вышел во двор. Упала мина. Мой знакомый погиб, а его отец получил ранение. Все это было здесь... когда-то давно. И все это снова вернулось. Если бы не спецоперация, город бы уже сравняли с землей.

Сзади разговаривали двое мужчин, по голосу явно достаточно зрелые. Понятно было, что давно не виделись.

— А ты женат?

— Да, женат, двое детей. Может, скоро внуки будут. Надеюсь на это.

— А я один... Знаешь, как плохо быть одному...

«Как плохо быть одному», — звучала фраза незнакомца в голове. Я так боялся этого одиночества, что чуть было не изменил Ане... Заморочил голову Миле... И все из-за этого страха остаться одному?

— Этот каштан всегда первым выпускает листочки на твой день рождения, — сказала мама.

И правда, вся каштановая аллея стояла еще голой, а дерево напротив окна нашей квартиры уже зеленое. Как будто знало, что у меня сегодня праздник. Я его несколько лет не отмечал с родителями. И в этом году мне особенно сильно хотелось быть в этот день рядом с ними.

Мама наготовила моих любимых салатов. С папой выпили конька. Я спрашивал про дедушек и бабушек, родители с увлечением вспоминали, как познакомились, юность, как жили в те годы, когда разрушался Советский Союз.

11

Дома меня уже ждало новое сообщение, но не от жены или несостоявшейся любовницы. Написала подруга Женя, которая давно не выходила на связь. Она прислала видео из Мариуполя, на котором одна женщина заявляет, что никто Донецк не обстреливал восемь лет.

— Все находятся в неведении, — заявила Женя. — Трудно разобраться, где правда. А, честно, и не хочу разбираться! Я хочу, чтобы все прекратилось. Что-то сплю по пять часов уже три дня подряд. Нет сна, я уже в каком-то неадеквате.

— Про обстрелы Луганска ты, видимо, забыла, — ответил я.

— Я уехала в четырнадцатом году.

— Так же, как и я.

— Я всего не знаю, мне трудно судить. Мне просто людей очень жаль. И нас. Неизвестно, чем все это закончится... По-моему, пора уже кончать с этой стреляниной. Это же XXI век!

— А чем он отличается от предыдущих? Тогда, что ли, люди не могли договориться или думали: «Мы живем в темные века»?

— Есть такой большой исторический опыт, а выводов никто не делает. Получается — мы животные. И сила — в кулаках.

— Я тебе просто удивляюсь... Ты забыла майдан? Лозунги «москалей на ножи»? Как они начали обстреливать Донбасс?..

— Первое: я не хочу об этом говорить, потому что я не хочу с тобой ругаться по этому вопросу. Второе: а ты уверен, что ты прямо все так хорошо помнишь? И тогда правильно и объективно воспринимал информацию и мог делать правильные выводы? Я уже досконально не помню, честно, что и как там было...

Я не стал ничего отвечать. Всегда думал, что мы с Женей придерживаемся одних взглядов. А оказалось... «Ты прям все так хорошо помнишь?» Да, хорошо. Я прекрасно помню, как эти украинские марионетки, подчиняющиеся западу, шаг за шагом, планомерно развязывали войну. Делали пакость, убивая людей то на Донбассе, то в Одессе, и замира-

ли, ожидая реакцию России. Все тихо-спокойно? Значит, можно действовать дальше.

— Так Женя и не обязана разделять твои убеждения, понимаешь? — написала мне Аня после того, как я рассказал ей о разговоре с подругой. — Конечно, от друзей мы ждем, что уж их взгляды будут совпадать с нашими по неким фундаментальным вопросам, но жизнь идет, все меняется. Вы встретились в одной точке, где все совпало. С того момента прошла куча времени, изменились и вы оба, и жизнь перед каждым ставит совсем иные вопросы, никто не обязан на эти вопросы давать ответы такие же, как ты. Каждый со своей жизнью беседует сам, а ты видишь только со стороны даже не весь результат, а лишь его часть. Что ты вообще знаешь о жизни другого человека? Откуда тебе знать, почему и как он пришел к тому, к чему пришел?

Аня, как всегда, была права. Но... Помню ли я, как все было? Да, я хорошо это помню.

12

Некоторые жители освобожденных районов были недовольны. В основном те, кто зарабатывал на наших пенсионерах, которым приходилось ездить в Станицу Луганскую за пенсией. Бывало такое, что пожилые мужчины и женщины возвращались ни с чем, оставляя все деньги за постой у земляков, живших на украинской территории.

Кому война, а кому мать родна.

Моя теща с бабушкой летом четырнадцатого года уехали в мой любимый Харьков. Там работало много волонтерских организаций для помощи беженцам с Донбасса. Многим ли они помогли, не знаю. Но, по словам моей тещи, через полгода эти волонтеры ездили на хороших иномарках.

Еще и с нищей страны собирали деньги для украинских военных. А олигархи продолжали богатеть, наживаясь на сложившейся ситуации.

Когда речь идет о деньгах, выгоде, наживе, такое понятие как совесть теряется в тумане.

Рассказывала сотрудница МЧС. Она прибыла на вызов и почувствовала запах горелого мяса. Оказалось, что дети нашли мину, она взорвалась, одному оторвало руки и ноги, ребенок остался инвалидом.

Один знакомый луганчанин отказался идти на передовую, их отряд отправили охранять освобожденные поселки. Они попали под сильные обстрелы. Говорит, из четырнадцати человек двое поехали головой, а один, двадцатилетний парень, застрелился.

Военные, освобождавшие Попасную, рассказывали:

— Мы их целый день хреначим артиллерией, а они сидят в терриконе, там несколько этажей вниз укрепления. А ночью выбираются и по нам стреляют, после чего опять в свои норы прячутся. Никак их не можем выбить.

Российские войска обеспечены едой, амуницией, бронежилетами... Нашим две буханки на четырнадцать дней. Без бронежилетов. Много погибших солдат ЛНР и ДНР. Опыта боевого нет. Раненых много. В больницах лежат, после взрывов ягодицы стерты.

Бабушка на рынке говорит своей знакомой:

— Я сыну и внуку сказала: «Живыми в плен не сдавайтесь».

Другая говорит:

— Мобилизовали всех. У меня соседа с первого этажа забрали воевать. Так он почти слепой!

— Возле моего дома стоял танк ДНР, — вспоминала девочка-подросток. — А на другом конце улицы — украинский. И вот они перестреливались, а мы с семьей лежали на полу.

Эвакуированный с Рубежного мужчина рассказал, что украинские военные ездили на двух автомобилях «скорой помощи» и на инкассаторской машине, останавливались между домами, стреляли и уезжали, а потом по этим местам бил ответный огонь. Это такая же тактика, как и в четырнадцатом году. Дом этого мужчины разрушен, возвращаться некуда.

Самое интересное, что за эти восемь лет украинская пропаганда так и не смогла сломить беженца из Рубежного. Он как придерживался таких же взглядов, как я, так и придерживается. Хоть он и жил в украинском Рубежном, но все равно болел душой за Россию. И вот в этом вся соль. И таких по всей Украине очень много.

Ехал с одним таксистом по городу. Он рассказал, наверное, главную историю своей жизни. Жена долго не могла забеременеть. Пришлось делать ЭКО, все удачно. Да так удачно — сразу две девчонки родились. А ему было сорок лет в год их рождения. Дочки росли здоровые и красивенькие. Потом началась война. Снаряд попал точно в их комнату, разворотив полдома... Хорошо, что к этому времени мужчина вывез семью на безопасную территорию. Уберег Господь таких долгожданных для этого таксиста детей.

Бабушка в маршрутке попыталась расплатиться гривнами. Водитель сказал: «Я гривны не принимаю!» Она ничего не ответила. Парень встал и заплатил за нее. Хотя водитель старушку и не выгонял, провез бы бесплатно.

Бабушка, видимо, беженка из украинской части Донбасса, рублей у нее не было. Вот отношение наших людей к ним. Хотя мы были по разную сторону баррикад. И вероятно, пожилой женщине здесь не нравится. Но все луганчане помогают, как могут.

Но понятно, что люди, прибывшие с тех территорий, — разные. И есть такие, которые против нас. Подростки из Рубежного, сидевшие на лавочках возле университета: «Слышали, как наши сегодня ночью сепаров мочили?» Для них мы — уже чужие, сепары, террористы. Украинская пропаганда постаралась. А для нас они — заблудшие братья, сыны и сестры.

Сколько таких историй.

13

Утром поехал встретиться со знакомыми любителями поэзии и литературы. Приехал пораньше, чтобы прогуляться по парку Щорса. Детворы много, бегают, играют, рядом мамы.

Памятник, посвященный погибшим детям. Раньше он был похож на надгробие с написанными на нем именами. Теперь он представлял собой композицию, изображающую ангелков разных размеров. Самому младшему погибшему ребенку был месяц, самому старшему — семнадцать лет. Пожить не успел ни один из них.

Рядом когда-то жили мои друзья. Где теперь они?

Подошел Марк, серьезный и немного рассеянный, как всегда. Пошли на квартиру. Там уже ожидали другие участники кружка. Читали сти-

хи, пили коньяк и закусывали тем, что принесли. Рассуждали о литературе, смеялись... Собираться в библиотеках сейчас нельзя, потому что украинцы могут ударить «Точкой-У». Но желание общаться и делиться своими произведениями очень велико. И с удовольствием про любовь читают и слушают, а про войну... как она надоела. Марк сказал, что не может ничего про войну писать, вообще не пишутся стихи, а Алеся не может писать ни о чем, кроме войны.

В этот момент я подумал: «Может, мы все исчерпали свой лимит на счастье, и остаток жизни будет невнятным и тяжелым?»

Я вспоминал разговор с Женькой. Пусть мы с ней по-разному смотрим на ситуацию, но в одном она права: все это надо заканчивать. А как ты это закончишь, если вершится мировая история, и Донбасс — важная часть этого? Хочется уехать в глухую деревню, чтобы никого не было рядом. Но так не получится.

Колонна техники проезжает мимо, гудят, — бронемашины, гаубицы, грузовики. А я на окраине города, стою и пью кофе, согреваясь в прохладное апрельское утро. Что я здесь делаю? Рядом завод, на котором работали мои предки. Может, я к ним пришел сюда? Ведь не только по кладбищам ходить?

К полудню значительно теплеет. Я иду по трамвайным линиям, мимо заброшенного старого парка, и вижу чудо. Вижу картину, почему-то потрясшую меня до глубины души.

Идет девушка в белом платье. Худенькая, фигура практически подростковая. С округлившимся животом. Беременная. В такое время. Спецоперация, боевые действия. Где твой муж, красавица? Наверное, на фронте. Сейчас почти всех забирают. А ты идешь и улыбаешься — и пританцовываешь на ветру. Потому что ты несешь в себе искру. Эту непобедимую тягу к жизни. Ты смотришься как инородное тело. Ведь здесь, кажется, не может быть таких искренне счастливых людей... Не сейчас.

Я смотрел ей вслед. Как же прекрасна жизнь! Как я хочу, чтобы все были живы! Как я хочу, чтобы все улыбались друг другу!

Как пел Виктор Цой: «А мне приснилось: миром правит любовь, а мне приснилось: миром правит мечта, и над этим прекрасно горит звезда. Я проснулся и понял — беда». Не время для любви, не время для мечты. Звезды оборачиваются ракетами «Точка-У», и они горят, но не в небе, а здесь, на земле, сжигая все. Время для бед...

— Я стих написала... о тебе, — пришло сообщение от Милы.

— Классно. Покажешь?

— Нет... не знаю. А тебе посвящали стихи?

— Да, было дело, — честно ответил я.

— Тогда тем более не покажу!

Эти глаза, смотрящие на меня в автобусах, магазинах, на улице. Такие разные. С обидой, упреком, непониманием, усталостью, похотью... Такие родные.

Вернувшись домой, я застал у нас женщину. Лицо ее покраснело от слез. Мама утешала ее. Я узнал тетю Веру — мамину коллегу. Я знал ее с детства, потому что часто приходил к маме на работу.

— Сынок, тут такое дело...

— Что такое? — спросил я с тревогой.

— У тети Веры сыну исполняется через месяц восемнадцать лет. Его призовут на фронт. Нужна российская прописка.

— Да, конечно. Без проблем, я только у Ани узнаю, не против ли она.

Слезы на глазах тети Веры исчезли. Она смотрела на меня с недоверием, но и с надеждой. Я ответил уверенным спокойным взглядом, мол, все будет.

Я написал Ане, рассказав об этой ситуации. Ее реакцию я предвидел — она была против. Мы немного поругались из-за этого. Я пытался ее переубедить.

— Если я могу спасти хоть чью-то жизнь, то я это сделаю! Через месяц парню стукнет восемнадцать лет и его отправят на войну. Он не вернется с нее, у него нет опыта. Мать останется несчастной на всю оставшуюся жизнь.

— А если они квартиру отберут?

— Это друзья семьи! Да и как вообще они отберут квартиру? Перестань!

— Делай, что хочешь.

Я заверил тетю Веру, что все будет хорошо и прописку ее сын получит. Ничего с ним не случится. Она начала песню про благодарность, про то, что в долгу не останется.

— Я понимаю, это дорого стоит. Но я заплачу.

— Тетя Вера! Успокойтесь. Я вас с детства знаю. Я никогда не возьму с вас за это деньги. В мирное время, может, и взял бы. Но не сейчас.

Вечером сидел на лавочках в своем дворе. Тишина вокруг, на улице никого нет, окна практически не горят. Немного продрог от ветра, то затихавшего, то вновь набиравшего силу. Сквозняки наших дворов, заставленных хрущевками.

Вот вроде сделал доброе дело, а тошно почему-то было от себя. «Так ты хочешь быть хорошим, чтобы все тебя любили, — с презрением думал я. — А не наплевать ли на всех остальных? Разве ты кому-то из них нужен? Кто-то за тебя вот так впряжется?» Иногда мне кажется, что я никого не люблю. И себя в первую очередь.

14

Раздав все, что привез родным и знакомым, я возвращался в Воронеж. Со мной в автобусе все так же ехали одни женщины, старики и один раненый военный. Так же в ногу, как и тот, с которым я ехал в Донбасс. Он ехал на лечение. Так же хотел снова в бой после того, как подлечится.

Таможенник на границе спросил у меня:

— В боевых действиях участвовали?

— Нет.

Почему-то назад дорога всегда быстрее. Снова за окном была моя любимая картина: темные поля, слабоосвещенные спящие деревни и города, одинокие машины и большегрузы. В наушниках — любимая музыка.

Я чувствовал, что впереди тяжелые времена. И нам придется в них жить и умирать, но главное не в этом, а в том, что мы должны эти смутные времена завершить. Чтобы наши потомки на собственном опыте не ощутили того, как нам было непросто. Чтобы знали о войне только по книжкам. Хотя бы на время. Видимо, таков путь человека.

Рано утром я открыл двери квартиры. Аня еще спала, но из-за шума проснулась. Приоткрыла один глаз и улыбнулась. Я упал в ее объятия.

— Я так скучала.

— И я. Прости меня за все.

Я был переполнен нежностью к жене, взявшейся непонятно откуда. Не хотел выпускать ее из рук.

— Я так много приятных слов хочу тебе сказать, но они все растерялись. Спасибо тебе за все, Аня. Я только твой, никогда тебе не изменял и надеюсь, что такого не будет. Извини еще раз за все.

— Ничего, мой хороший. Не переживай… Подстричь тебя надо. Седины добавилось…

Через время мы встретились с Милой. Я смотрел на нее, симпатичную, весеннюю, легкую, и понял, что мои чувства улеглись, остыли. Нет, не угасли окончательно, я все еще восхищался и дорожил ею. Но… больше не хотел.

Дома ждала та, которая была со мной все эти непростые годы. И при одной мысли о ней сердце вдруг сладко сжималось от любви и нежности.

Март — июль 2022 года,
Воронеж — Луганск

□ □